

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ЯЗЫКА ЭМОЦИЙ КАК ЗНАНИЯ МАТРИЧНОГО ФОРМАТА

Ю.Ю. Шамаева, канд. филол. наук (Харьков)

В статье рассматриваются особенности концептуализации и категоризации эмоций как знания матричного формата, репрезентированного в системе языка. Особое внимание уделено определению теоретико-методологической базы осмысления данной проблемы с выявлением специфики матричного формата эмоционального знания, концептов эмоций как результата многоуровневой концептуализации и эмоциональных категорий.

Ключевые слова: знание матричного формата, эмоция, эмоциональное знание, эмоционально-чувственный событийный концепт, эмоциональная категория.

Ю.Ю. Шамаєва. Концептуальна основа мови емоцій як знання матричного формату. У статті розглядається специфіка концептуалізації та категоризації емоцій як знання матричного формату, репрезентованого в системі мови. Особливу увагу приділено визначенню теоретико-методологічної бази осмислення цієї проблеми з виявленням специфіки матричного формату емоційних знань, концептів емоцій як результату багаторівневої концептуалізації та емоційних категорій.

Ключові слова: знання матричного формату, емоція, емоційне знання, емоційно-почуттєвий подійовий концепт, емоційна категорія.

Yu.Yu. Shamayeva. Conceptual basis of the language of emotions as matrix format knowledge. The article discusses the peculiarities of the conceptualization and categorization of emotions as verbalized matrix format knowledge. The emphasis is on the theoretical-methodological grounds of studying the above issue with a focus on the distinctive aspects of the matrix format of emotion knowledge, emotional concepts as results of multi-level conceptualization and emotional categories.

Key words: emotion, emotional knowledge, emotion-feeling-event concept, emotional category, matrix format knowledge.

Ц е л ь ю настоящей статьи является выявление специфики концептуализации и категоризации эмоций как знания матричного формата, объективированного в системе естественного языка. Достижение данной цели предполагает выполнение следующих з а д а ч : определение теоретической и методологической базы изучения концептуальной основы языка эмоций как знания матричного формата с обоснованием статуса эмоционального знания как когнитивной матрицы; рассмотрение концептов эмоций как результата многоуровневой концептуализации; анализ особенностей формирования эмоциональных категорий на основе эмоционально-чувственных событийных концептов (ЭЧСК).

О б ъ е к т исследования составляют репрезентированные средствами языка концептуализированные эмоции, а е г о п р е д м е т – их структурно-содержательные отличия, обуславливающие целесообразность рассмотрения языка эмоций, включая систему оязыковленных ЭЧСК и образованных на их основе эмоциональных категорий, как знания матричного формата.

В настоящее время проблема изучения эмоций Homo loquens как Homo sentiens, их концептуализации и вербализации представляет собою тот а к т у а л ь н ы й исследовательский фокус, в котором интегрируется ряд парадигм современного антропоцентрического языкознания: когнитивно-дискурсивная, коммуникативная, прагматическая, культурологическая и др. Эта эмотиологическая полипарадигмальность

доказывает, что эмоции пронизывают « всю ментальную, вербальную и авербальную деятельность человека, что все в языке движимо эмоциями » [18, с. 113]. Ключом к познанию эмоций является язык [17] как функционально-семиотическая система, объективирующая концептуальную систему человека и работу когнитивных механизмов восприятия, категоризации, памяти и реализующая языковую способность человека, его когнитивный опыт, знания, эмоции, позволяющая судить о модусах их существования и устройстве.

Неразрывная связь между когницией и эмоцией естественна, и этому можно найти целый ряд подтверждений. Во-первых, « эмоции – это генетические программы поведения, обладающие энергетическими свойствами – способностью воспроизведения, трансформации, динамикой, интенсивностью, побуждающим влиянием » [5, с. 35]. Фундаментальных эмоциональных программ десять: интерес, радость, удивление, горе (страдание), гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина (раскаяние), но чаще эмоции реализуются и концептуализируются кластерно [10, с. 234], так как их важнейшей особенностью является амбивалентность, то есть возможность соединения двух противоположных по знаку эмоций в одном чувстве.

Во-вторых, « психофизиологическая функция эмоций состоит в том, что они обеспечивают наши реакции в ответ на значимые внешние и внутренние воздействия дополнительной энергией, которой обладают врожденные программы эмоционального поведения » [5, с. 36]. Действительно, эмоции как системы опережающего реагирования возникают в ответ на значимые для экспериенцера обстоятельства, а это значит, что эмоция появляется при участии интеллекта. Однако роль эмоций не исчерпывается принятием решения в ситуации выбора и планированием поведения. Эмоции участвуют также в непосредственном управлении восприятием и поведением [8]. Как в восприятии, так и в поведении большую роль играет прогноз/предвидение ситуаций в среде и ситуаций взаимодействия со средой. Это предвидение выражается открытым П.К. Анохиным принципом акцептора действия и акцептором восприятия [3]. Совпадение реальной ситуации с акцептором (предвидением) сопровождается положительной эмоциональной оценкой. Несовпадение предвидения с реальной ситуацией сопровождается негативной эмоциональной оценкой, приостановкой поведения и ориентировочно-исследовательской реакцией. Нарушение акцептора может сопровождаться эмоциональной переоценкой ситуации по всем приведенным выше критериям, которая возможна как в положительную, так и в отрицательную сторону, а её результатом может быть изменение поведения, что также свидетельствует о когнитивно-аффективной интеграции. И, хотя « основной характеристикой эмоций является ситуативность и предметность (выделение актуального предметного содержания) » [11, с. 135], и они выступают реактивным продуктом ситуации, эмоции сами могут порождать определенные ситуации (М.Ю. Урнов, D. Matsumoto,

P. Braud), становясь когнитивными триггерами. Иначе говоря, эмоция мотивирует когницию, а когниция интенсифицируется эмоциями (М.А. Холодная, В.И. Шаховский, J.A. Russell и др.).

В третьих, эмоции, складываясь из нескольких «эмоциональных переменных» [16, с. 38]: совокупное значение текущих потребностей; соотношение необходимого и возможного; мотивация и соответствующая ей потребность, удовлетворяемая в определенном варианте поведения, «всегда связаны с конкретным видом опытного знания – мышлением, ощущением (сенсорикой), действием» [10, с. 239], т.е. посредством эмоций человек получает специфический видовой опыт, который закрепляется в сознании, мышлении и языке, вербализующем объекты мира, явления, ситуации и их эмоциональные оценки со стороны экспериенцера эмоции.

Наконец, языковые репрезентации эмоций могут стать их заместителями в языковом сознании и, согласно учению И.П. Павлова о взаимодействии первой и второй сигнальных систем, также способны эмоционально переживаться этносемантической личностью.

Исходя из вышесказанного, эмоциональный опыт индивида можно классифицировать как разновидность эмоционального знания, как системы, которая отражает опыт эмоционального познания окружающего мира человеком и опыт его языковой репрезентации, причем язык (в нашем случае, язык эмоций) «сам выступает действительным сознанием, способным к опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в познаваемом (посредством эмоций) мире» [2, с. 93]. Поскольку эмоции неотрывны от языка, и именно язык является и объектом, и инструментом изучения эмоций (А.А. Залевская, A. Damasio, P.N. Johnson-Laird и др.), ибо слово есть «средством доступа к единой – перцептивно-когнитивно-аффективной – информационной базе индивида при трактовке лексикона человека как функциональной динамической системы, которая формируется по законам эмоционально-психической жизни, но под контролем норм и оценок, вырабатываемых социумом и – шире – культурой» [9, с. 103] и «в языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надёжности никак не уступают данным экспериментальных исследований» [1, с. 453], представляется, что проблема взаимодействия эмоции и когниции для филолога наиболее эффективно может быть решена с позиций когнитивной лингвистики.

Одной из ключевых задач когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики является изучение закономерностей отражения и познания мира в человеческом сознании, проблем соотношения языковых и когнитивных структур. В этом русле язык рассматривается как средство доступа к ментальности человека, к исследованию его познавательных процессов и эмоций: « все познавательные процессы, включая эмоции, <...>, носят языковой характер, <...> язык, объективируя работу сознания и имеющих в нем место мыслительных актов, оказывается средством доступа к ним [12, с. 23], а его когнитивная функция требует своего многоаспектного

изучения. В этом контексте очевидна а к т у а л ь н о с т ь и н о в и з н а нашего исследования, направленного на выявление и описание концептуальной основы языка эмоций как разновидности деятельности и знания матричного формата, поскольку, несмотря на огромное число психологических, лингвистических, нейрофизиологических работ об эмоциях, концепты эмоций изучены недостаточно. [1; 18] Зачастую этот аспект вообще выпадает из сферы внимания [15, с. 173], остаются нерешенными многие фундаментальные вопросы: какова структура сферы эмоций, какие из них являются базовыми, к какому типу знания относится эмоциональное знание и знание ли это вообще, каковы принципы концептуализации и категоризации эмоций в языке и т.п.

Т е о р е т и к о - м е т о д о л о г и ч е с к о й базой для решения вышеуказанных задач являются разрабатываемые в современной когнитивной лингвогносеологии теории концептуализации и категоризации, а также рассмотрение языка как одной из когнитивных способностей человека [7; 12; 20].

Как известно, концептуальная система человека и языковая концептосфера охватывают разноформатные знания с точки зрения из структуры и содержания. Под форматом знания, согласно концепции Н.Н. Болдырева [6] мы понимаем определенную форму представления знания на концептуальном или языковом уровнях. Принимая во внимание структурную и содержательную точки зрения, эмоциональное знание как систему концептуальных структур, ментально репрезентирующих эмоции, мы относим к интегративным структурам знания матричного формата, которые характеризуют нестереотипное знание, являющееся результатом интеграции различных концептуальных областей в единую концептуальную структуру. Матрица СИСТЕМА ЭМОЦИЙ репрезентирует многоаспектное эмоциональное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов их возможного осмысления [6; 7; 19], что подчеркивается словом «система». Таким образом, эмоциональное знание, многоаспектность которого нельзя описать набором обязательных и факультативных элементов/характеристик, мы определяем как знание матричного формата, которое можно представить в виде когнитивной матрицы, системы взаимосвязанных когнитивных контекстов/областей концептуализации, которые носят опциональный характер и не предполагают их обязательное одновременное иерархическое ассоциирование с определенным словом или концептом. Когнитивная матрица эмоционального знания сводит воедино знания о разных аспектах эмоции, а содержание её компонентов может варьироваться от обыденного до экспертного, а также в зависимости от лингвокультурной и социальной принадлежности экспериенцера и предполагает использование когнитивно-матричного анализа в исследовательских целях.

Рассмотрим особенности формирования базовых компонентов когнитивной матрицы эмоционального знания. В рамках подхода к когниции как распределенному процессу (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, R. Langacker и др.) эвристически эффективным представляется изучение вербализованных концептов эмоций и эмоциональных/эмоциогенных событий как социокультурных феноменов, выполняющих множество функций, включая когнитивную. Подчеркнем, что эмоции всегда являются отображением ситуационного отношения человека к определенным объектам, а стойкое и обобщенное отношение к объектам составляет чувства. Эмоции – это фаза возникновения и вызревания чувств, момент их интеграции, а чувства, в свою очередь, есть фазой раскрытия, выявления и демонстрации эмоций. Кроме того, эмоции – это те непосредственные переживания, из которых формируется отношение, а чувства, в которых «снимаются» эмоции, составляют само отношение, что и фиксируется в языке.

В этой связи целесообразным видится введение в метаязык работы термина «эмоционально-чувственный событийный концепт» (ЭЧСК). Это вызвано тем, что эмоция как с необходимостью реакция на определенный стимул, «всегда вызывается некой специфической и абстрактной ситуацией, которая называется типовой (категориальной)» [18, с. 56], являясь топосом эмоции, а ментальная репрезентация всякого топоса, согласно А.А. Залевской, в особым образом модифицированном виде инкорпорирует концептуальные характеристики ментальной репрезентации того события, которое послужило онтологическим стимулом той или иной эмоциональной реакции [9], возникая в результате попадания коммуникантов в единое эмоционально-концептуальное поле (пространство, время), где эмоции реализуются в рамках координат: «Я (здесь, сейчас) – Ты», или «Я (здесь, сейчас) – Ты – Он (наблюдатель, читатель и т.п.). В результате этой когнитивной процедуры происходит преобразование эмоции в определенную форму представления знания о событии-стимуле и эмоциональной реакции на него уже на мыслительном (концептуальном) и языковом уровнях [20], что понимается нами как формат эмоционально-чувственного событийного знания концептуально-сложной природы, то есть эмоционально-чувственная событийная концептуальная структура. Иными словами, под ЭЧСК мы понимаем оперативную единицу сопряженного эмоционального (как теоретического, так и обыденного) знания, в которой осмыслен и репрезентирован опыт взаимодействия Человека Чувствующего с миром, тесно связанный с исторической памятью и жизненным опытом определенной лингвокультуры «психонетический комплекс – близкое, родное, – то, чторосло в сознание и душу, затрагивает не только мышление, а все составные части психики человека» [4, с. 45].

Такой подход представляется методологически оправданным с учетом того, что деятельность личности, её сознание, мышление, эмоции и язык неразрывно взаимосвязаны, а эмоциональная активация с необходимостью сопровождает концептуализацию, будучи обязательной для

эффективного функционирования концептов [20]. Концептуализация события в языке, включая эмоциональные/эмоциогенные события, не связана с осмыслением отдельных операций как составляющих события (в соответствии с тезисом гештальтистов о несводимости свойств целого к сумме свойств составляющих целое элементов). Она определяется эксплицитно либо имплицитно нерасчлененным (эмоциональным) осмыслением роли участников события, их важнейших характеристик и характеристик самого действия. В этом, на наш взгляд, раскрывается одна из специфических характеристик формирования ЭЧСК – интегративный характер его организации (под интеграцией, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимается слияние простых единств в более сложные структурные единства [7]).

Понимание категории как концептуального комплекса, объединяющего в себя различные структуры знания и представляющего собой его особый формат [6; 12; 19], как концептуального объединения объектов, т.е. объединения объектов на основе общего концепта позволяет нам рассматривать ЭЧСК как базовые концепты для формирования эмоциональных категорий конфигуративного типа, создающие возможность для перехода от аналоговой (лексической) к собственно языковой (грамматической) и далее – интерпретирующей (модусной) категоризации, т.е. перехода от когнитивно-номинативной к когнитивно-дискурсивной функции вербализованных ЭЧСК в целом. Отсюда, отличительной особенностью эмоционально-категориального формата знания является то, что эмоциональная категория – это знание и класса объектов, и того общего ЭЧСК, который служит основанием для их объединения в одну категорию. Кроме того, признаки и характеристики, которые формируются в сознании экспериенцера в виде ЭЧСК, распространяются на целые классы объектов, не ограничиваясь одним конкретным. Например, радость может быть индивидуальной реакцией на отдельный стимул (*радуюсь, что есть горячая вода*), а может иметь категориальный статус (*радость победы, радость бытия*). Отметим, что выбор определенного концептуального основания детерминирует выбор соответствующих принципов и механизмов их объединения, знание которых является составной частью общего знания категориального формата, включая эмоциональные категории. Таким образом, эмоциональная категория как формат эмоционального знания матричного формата интегрирует в себе знание общего концептуального основания (ЭЧСК) для объединения тех или иных объектов; знание самых объединяемых объектов; знание принципов и механизмов их объединения, будучи концептуальной структурой интегративного типа. Говоря об эмоциональных категориях, необходимым представляется различать два типа категорий, репрезентирующих разные типы знания: эмоциональное знание о неязыковых объектах внешнего мира – собственно эмоциональные категории, и знание о единицах языка, которые «номинализируют» эмоции, выражают их, описывают, имитируют, являются средствами их экспликации/импликации»

[18, с. 58], непосредственно участвуя в их семантизации – категории слов, объективирующих эмоции. Собственно эмоциональные категории зарождаются в сознании индивида с опорой на язык, объединяют объекты окружающего мира по типу и характеру (кластерной) эмоции, которую они вызывают, и мы говорим о радостных и грустных событиях, о раздражающих нас вещах и людях, с которыми нам приятно, о поступках, которые нас удивляют и о скучных делах и т.п. Категории языка эмоции (эмоциональных слов) объединяют языковые единицы по сходству их интерпретирующей семантической функции, т.е. речь идет о всей совокупности языковых единиц, используемых для номинации объектов тематической области эмоций и их оценки, об эмотивной семантике слов и эмотивах (высказываниях, явлениях, речевых актах и т.д.) во всех их проявлениях (например, *канючить, общага, деточка, славенько*; англ. *frightful, brute, awesome, Barbie* и т.п. в определенных когнитивных контекстах).

Для более глубокого понимания ЭЧСК как концептуальных оснований эмоциональных категорий и базовых составляющих матрицы эмоционального знания остановимся на специфике их формирования. Рассмотрение концептуализации как одного из базовых процессов познавательной деятельности человека, заключающегося в осмыслении поступающей к нему информации и приводящего к образованию концептов, обуславливает необходимость изучения процесса образования ЭЧСК как многоуровневого процесса формирования эмоциональных знаний, что становится возможным в русле интегративного анализа когнитивной деятельности субъекта познания как многомерной точки отсчета процесса концептуализации.

Анализ процесса познания позволяет выделить три этапа концептуализации (формирования концептов эмоций, в нашем случае) [13, с. 79]: 1) получение информации и формирование первичных концептов эмоций; 2) обобщение имеющейся информации и создание общей классификационной системы знаний⁴ 3) формирование индивидуального эмоционального знания. При этом каждый этап концептуализации соответствует определенному уровню когнитивной деятельности: эмпирическому познанию, понятийному осмыслению и вторичному осмыслению.

В основе первичного уровня эмпирического эмоционально-чувственного познания лежит восприятие, в результате которого экспериенсер получает первичное феноменологическое, неязыковое знание, составляющее фундамент целостного процесса познания. В контексте системы функциональной представленности субъекта познания этап первичной концептуализации эмоций представлен координатой субъекта эмпирического познания (термин вводится для отграничения от наблюдателя) [7]. В языке этот этап репрезентируется двумя группами лексических единиц: а) группа, указывающая на тип и способ восприятия, в частности, глаголы восприятия и их тематические группы (например, *to experience, to enjoy, to react happily, to admire, to feel joy, to be angry, to hate, to be surprised, etc.*), а также единицы

других частеречных категорий, семантика которых профилирует тип эмоционально-физического контакта объекта познания с миром (например, *delicious, near, warm, good, bad, spleen, beautiful, comfort, rich, etc*); б) группа, образующая ядро словарного состава языка эмоций и охватывающая слова-наименования конкретных предметов, явлений, ключевых характеристик событий-стимулов эмоционально-чувственного реагирования, включая оценку, т.к. она «тесно связано с присущей человеку способностью осуществлять рациональную (интеллектуальную) и эмоциональную деятельность» [14, с. 106], которые выступают в роли актуализаторов аффективно-когнитивной деятельности субъекта эмпирического познания, поскольку предполагают его непосредственное участие в их порождении.

Эмоциональное знание, которое формируется на уровнях понятийного обобщения и формирования индивидуального мнения, является инферентным, опираясь на базовую информацию и предполагая активизацию когнитивных механизмов.

Базовая концептуализация эмоций осуществляется с целью создания всеобъемлющей классификационной системы эмоционального знания, позволяющей представить все концептуальные пространства действительности в его целостности. Это становится возможным «в результате выявления основных характеристик и раскрытия связей/отношений как эмоционально-чувственно эмпирически воспринимаемых сущностей/событий, так и сущностей/событий, не воспринимаемых органами чувств» [13, с. 83]. На данном этапе концептуализации эмоций основным типом когнитивной деятельности выступает понятийное осмысление, которое обеспечивает переработку полученных и аккумулированных отдельных эмоциональных знаний в единое структурно-организованное эмоциональное знание. Иными словами, индивидуальный эмоционально-чувственный характер восприятия переходит на качественно другую ступень. Основным когнитивным механизмом при этом является абстрагирование, т.е. мысленное отвлечение от несущественных признаков и выделение базовых характеристик и реляций, зафиксированных в сознании субъекта познания [19]. Отсюда, концептуализация эмоционального опытного знания на уровне понятийного осмысления затрагивает самые общие концептуальные признаки эмоций и их стимулов, т.е. базовые концепты эмоционального сознания. Репрезентирует этот базовый этап когнитивной деятельности такая антропоцентрическая координата, как субъект понятийного осмысления как базовая координата процесса познания через эмоции, в рамках которой формируется система эмоционального знания и языковая система классификации, принятая для той или иной лингвокультуры как система репрезентации концептуально-сущностных эмоциональных знаний, универсальная сеть языковых категорий, охватывающая преимущественно базовую концептуализацию предметной области, действия и события как ключевых форматов вербальной объективации ЭЧСК.

Этап интерпретативно-оценочной концептуализации эмоций, следующий за базовой, вторичен, поскольку предполагает опору на результаты предшествующих этапов концептуализации и ориентируется на определенный эмоционально-когнитивный эмпирический и языковой опыт, характеризуется значительной степенью субъективности и является уровнем формирования конкретного смысла. В то же время, как отмечает А.А. Залевская [9], он имеет статус самостоятельного, т.к. предполагает осмысление мира с точки зрения субъекта познания как носителя системы индивидуального знания, мнения, оценки, включая в себя такие когнитивные действия, как выбор способа и средств концептуализации, а также формирование системы модальных категорий [7]. В роли антропоцентрической координаты выступает интерпретатор (или «субъект оценки» [13, с. 92], если концептуализация предполагает оценочность как функцию интерпретации), который, опираясь на систему языка как результат базовой когнитивной деятельности (набор лексических единиц и грамматических моделей), обеспечивает ее функционирование в собственных когнитивно-коммуникативных целях. В языке эмоций этот этап репрезентирован посредством метафоры, метонимии, а также особых концептуальных категорий модального типа (например, отрицания, детерминации, модальности, оценки и т.д.), которые являются онтологическими для сознания человека и гносеологическими в терминах окружающего мира и языка.

Таким образом, концептуальную основу языка эмоций как когнитивной матрицы – системы взаимосвязанных концептуальных областей и когнитивных контекстов, необходимых для их осмысления, составляют эмоциональные категории, интегрирующие знание общего эмоционально-чувственного событийного концептуального основания как результата многоуровневой концептуализации, а использование когнитивно-матричного анализа и моделирования как приемов исследования эмоциональных концептуальных структур средствами различных языков с выявлением их лингвокультурной специфики составляет п е р с п е к т и в у нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 198 с.
4. Бардина Н.В. Античная матрица нашей души / Н.В. Бардина. – Одеса: Астропринт, 2009. – 288 с.
5. Бойко В.В. Психоэнергетика / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с.
6. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 12-28.
7. Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной

лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой / Н.Н. Болдырев. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 38-50. 8. Жижина М.В. О предметной области медиаэмоциологии // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф. (Москва, 7-9 февр. 2011) / М.В. Жижина. – М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова; Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 511-512. 9. Залевская А.А. Проблема «тело – разум» в трактовке А. Дамазио // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2006. – С. 82- 104. 10. Изард К.Е. Теория дифференциальных эмоций // Психология эмоций / К.Е. Изард. – СПб.: Питер, 2004. – С. 232-243. 11. Кириленко Т.С. Психологія: емоційна сфера особистості / Т.С. Кириленко. – К.: «Либідь», 2007. – 256 с. 12. Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка // Когнитивные исследования языка. Вып V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 22-29. 13. Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. Вып IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 78-96. 14. Приходько Г.І. Концептосфера оцінності в мовній картині світу / Г.І. Приходько // Наукові праці Кам'янець-Подільського нац. ун-ту ім. Івана Огієнка: Філологічні науки. Вип. 22. – Т. 2. – Чернівці: Книги-XXI, 2010. – С. 106-108. 15. Соловьев В.Д. Экспериментальные исследования концептов эмоций // Когнитивные исследования: сб. науч. тр.: Вып. 1 / В.Д. Соловьев. – М.: «Ин-т психологи РАН», 2006. – С. 173-185. 16. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Активные синергические и нейронные сети, мышление и творчество, формальные модели поведения и «распознавания с пониманием» . – М.: Комкнига, 2006. – 336 с. 17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с. 18. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с. 19. Croft W. Cognitive linguistics / W. Croft, D. Alan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 355 p. 20. Eliot T.S. Four Quarters [электрон. ресурс]. Электрон. дан. (4 кб). Режим доступа: URL: www.tristan.icom43.net/quarters/4k.